

совершенно постороннимъ для историка нашего времени“. Точно также и другое замѣчаніе Кудрявцева не обнаруживаетъ принципиальнаго разногласія съ авторомъ рѣчи, но характерно для направленія Кудрявцева и для его времени.

Рѣчь зашла о вліяніи прошлаго на настоящее, и о *пользѣ* исторіи. Имѣя въ виду античное воззрѣніе, что исторія можетъ служить школой политики и морали, Грановскій утверждалъ, что „практическое значеніе исторіи у древнихъ не можетъ имѣть мѣста при сложномъ организмѣ новаго общества“. Грановскій полагалъ, что исторія сдѣлается въ высшемъ и обширнѣйшемъ смыслѣ, чѣмъ у древнихъ, наставницей народовъ и отдѣльных лицъ—лишь тогда, когда достигнетъ научнымъ путемъ *уясненія историческихъ законовъ*. При настоящемъ, далеко не совершенномъ, состояніи исторіи, Грановскій усматривалъ главную практическую пользу ея въ томъ, что она „болѣе, чѣмъ всякая другая наука, развиваетъ въ насъ вѣрное чутіе дѣйствительности и ту благородную терпимость, безъ которой нѣтъ истинной оцѣнки людей“¹⁾. По этому поводу онъ далѣе замѣчалъ, „что въ самыхъ позорныхъ періодахъ жизни человѣчества есть искупительная, видимая намъ на разстояніи столѣтій, сторона, и на днѣ самаго грѣшнаго предъ судомъ современниковъ сердца таится какое-нибудь одно лучшее и чистое чувство“.

Кудрявцевъ взглянулъ на дѣло еще съ другой стороны. Онъ находилъ, что и безъ сравненія съ тѣмъ, чего еще исторія можетъ достигнуть впереди, намъ нельзя не признать весьма тѣснаго отношенія ея къ дѣйствительности и въ наше время. „Что римлянинъ дѣлалъ по инстинктивному внушенію своей практической природы, то стало для насъ сознательною, слѣдовательно разумною необходимостью. Римлянинъ больше предчувствовалъ, нежели отчетливо сознавалъ органическую связь настоящаго съ прошедшимъ, когда искалъ въ послѣднемъ постоянныхъ и твердыхъ образцовъ для своей собственной дѣятельности; современный намъ человѣкъ, напротивъ, весь проникнутъ мыслію, что настоящее состояніе, то, что мы называемъ нашею дѣйствительностью, необходимо условлено прошедшимъ“... „Конечно, примѣры непосредственнаго примѣненія уроковъ исторіи къ самой жизни встрѣчаются очень рѣдко; но общее сознаніе — разумѣется, въ образованныхъ классахъ—проникнуто ихъ важностью болѣе, чѣмъ когда-нибудь. Не всегда можно указать, какимъ образомъ оно переходитъ въ самое дѣйствіе; но рѣдко нельзя почувствовать

¹⁾ Сочин. Грановскаго, I, стр. 29.